

ЮРИЙ ПИОНЕРОВ

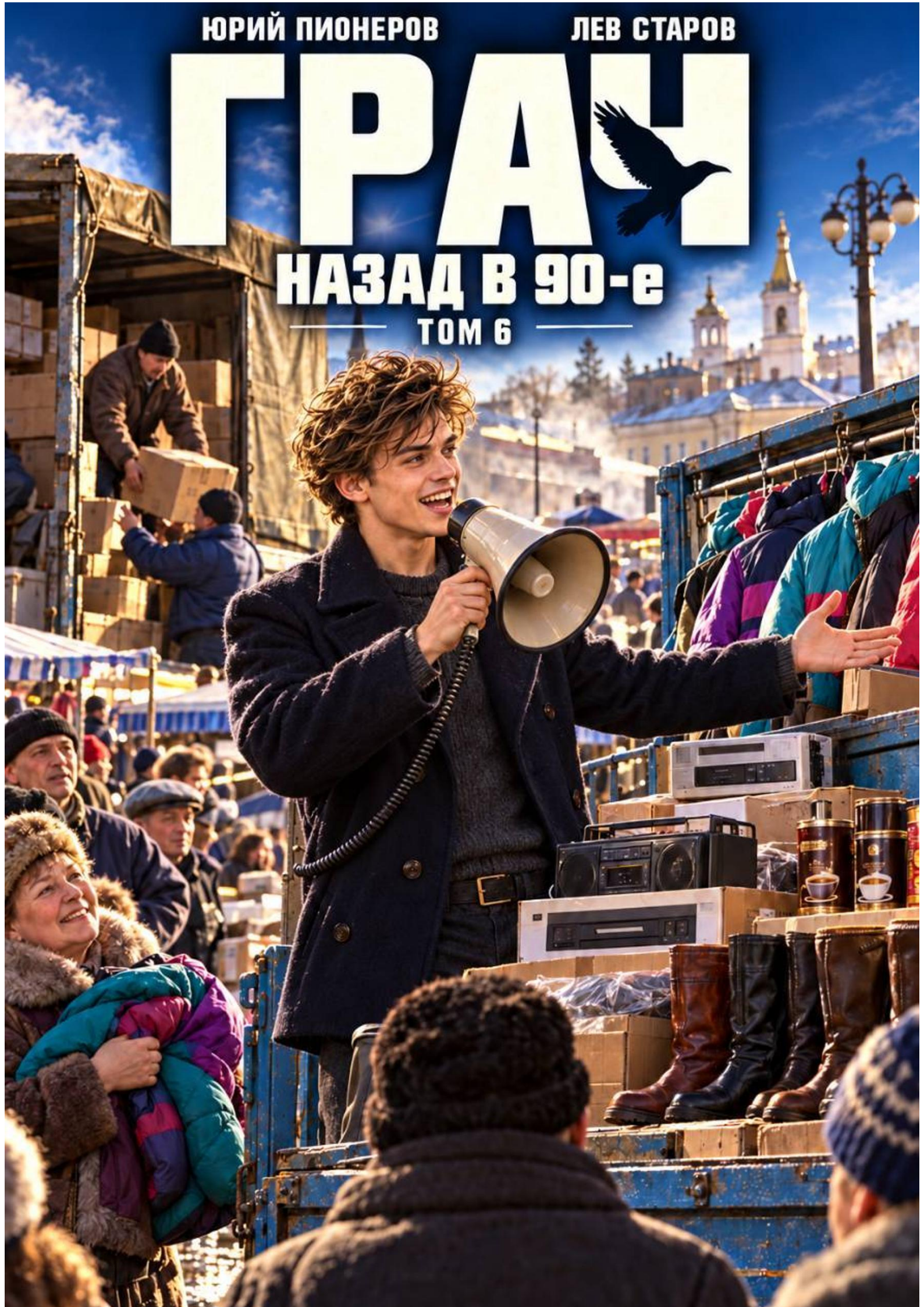
ЛЕВ СТАРОВ

ГРАЧ

НАЗАД В 90-е

ТОМ 6

Юрий Пионеров
Грач. Назад в 90е Том 6

«Автор»

«Автор»

2026

Пионеров Ю.

Грач. Назад в 90е Том 6 / Ю. Пионеров — «Автор», «Автор»,
2026

В день своего пятидесятилетия Данила Грачёв отдал за кекс последнюю мелочь: его торговую империю забрали люди, которым он доверял. А утром он проснулся двадцатилетним. На кухне мать печёт пирожки, отец бережёт девять тысяч на «Жигули», за окном — ноябрь 1991-го. Через пятьдесят два дня эти деньги почти ничего не будут стоить. Данила знает, что случится с ценами. Но знание не купишь в магазине и не предъявишь вместо денег. Есть дембельские триста рублей, голодный друг Бугай с плечами грузчика и сестрёнка, которая требует расписку даже за четырнадцать рублей. Есть ещё отец: он лучше доверит сыну сварочный аппарат, чем семейные сбережения. За несколько недель Даниле нужно превратить эту горсть рублей в дело, которому поверит отец. И сделать это на рынке, где каждый удачный товар замечают быстрее, чем успеваешь пересчитать выручку. Успеет ли Грач занять своё место — прежде чем его займут другие?

© Пионеров Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Грач. Назад в 90е Том 6

Глава 1

— Славка, — почти одними губами выговорил Палыч и уставился на свои руки.

Славка Косоротов? Старый бригадный, с речпорта, где мы ещё пацанами таскали грузы. Ему доверяли кассу, когда рассчитывались бартером и спор о плате запросто доходил до кулаков. Месяц назад он перевёлся в новую структуру: там обещали постоянный заработок. А теперь из-за него придётся вскрывать сейф при свидетелях.

— Славка сейчас дома, — Щербаков отвёл глаза и переступил к двери. — Мать лежит. Инфаркт был в прошлом месяце. Лекарства дорогие.

— Знаю про мать, — наклонился к Щербакову и загородил ему дорогу к выходу. — Аванс на лекарства ему давал. Три тысячи.

— Он потратил, — Палыч отпустил ремень лежавшего на колене протеза и развёл руками. — Врач говорил, нужны ещё. Он просил добавить. Ты отказал. Сказал: «Покажи чеки, вернём».

— Он показал? — наклонился и перевёл взгляд на Палыча.

— Нет. Он обиделся. Сказал, что мы ему не родня. Что мы считаем каждую копейку. — Палыч сжал ремень протеза и потянул его к себе.

Потёр лицо ладонью. Три тысячи ему выдали, а чеки он счёл оскорблением. И полез за остальным сам. До полочки надеялся вернуть? Так я теперь должен за него и кассу закрыть, и перед бригадой оправдываться?

— Где он сейчас? — посмотрел на дверь и отодвинул стул от прохода.

— Спит, наверное, — Палыч пожал плечами и подхватил протез за ремень. — Или сидит у матери.

— Иди, — кивнул ему и показал на выход. — Скажи, что жду здесь. Пусть приходит один, без оружия. Говорить будем спокойно.

Палыч посмотрел на меня долгим взглядом. Потом подтянул протез к себе, надел и затянул ремень. Поднялся, придерживаясь за стол, и осторожно перенёс вес. Подошва стукнула о бетон. — Даня, если это он... — Палыч остановился у выхода и положил руку на косяк.

— Тогда и поговорим. Руки распускать запрещаю. — Поднял палец и задержал Палыча у двери.

Палыч кивнул и пошёл к выходу. Щербаков остался со мной. Мы молчали. Я достал сигарету, прикурил. Дым смешался с запахом картошки. Щербаков следил за входом, ожидая Палыча. Полез в карман, где обычно носил пистолет, и вытащил ключи от машины. Покрутил их на пальце, спрятал обратно.

От скрипа шин за окном оторвался от сигареты. Вроде бы ждал одного знакомого мужика, а всё прислушивался, сколько человек идёт с Палычем. Вдруг там ещё кто-то в кассу залез, и теперь придут вместе требовать своей правды? Затушил окурки о жестянку.

Наконец, фары выхватили из темноты фигуру. Палыч шёл первым, широко расставив ноги. За ним, шаркая, двигалась другая тень. Славка. Он был в старой телогрейке, лицо бледное, осунувшееся. Глаза красные, как будто он плакал или не спал двое суток.

В конторку Славка вошёл в шапке и остановился посреди комнаты, уставившись в пол. Ждал, что заговорю первым.

— Закрой дверь, — сказал Щербакову и кивнул на створку.

Геннадий повернулся, толкнул створку. Заскрежетал замок. Теперь нас было четверо: я, Палыч, Щербаков и Славка. Изолированная клетка.

Славка поднял глаза. Красные веки, слипшиеся ресницы; через минуту его, казалось, можно будет уложить спать прямо здесь. Но пока придётся постоять.

— Ты знаешь, — выговорил он и сглотнул, посмотрев на сейф.

— Знаю, — ответил и отодвинул накладные. — Пять тысяч.

— Я планировал вернуть. — Он опустил голову и смял край телогрейки.

— Планировал, — повторил и наклонил голову. — До полочки. Да?

Славка кивнул. Медленно.

— Почему ко мне не пришёл? — подался вперёд и подцепил ногой стул для Славки. — Дал бы.

— Потому что я не нищий, Грач! — Он шагнул ко мне, задел предложенный стул и сорвался на крик. — Милостыню у тебя выпрашивать? Вкалываю, как все! А вы считаете мои минуты, мои копейки!

Палыч напрягся, готовясь вмешаться. Щербаков сделал шаг в сторону Славки, оценивая дистанцию для удара.

Достал из внутреннего кармана куртки толстую пачку, перевязанную бумажкой, и положил между нами. Славка сбился на полуслове.

— Здесь пять тысяч, — прижал пачку пальцем и придвинул её к Славке. — Моих личных. Кассу сейчас закроешь.

Славка замер. Смотрел на деньги, как на змею.

— Верни их обратно в кассу, — продолжил, глядя ему в глаза. — Прямо сейчас. И объясни мне, почему я должен это терпеть.

Славка медленно подошёл к столу. Руки дрожали. Он взял пачку. Посмотрел на неё. Потом на меня. — Я возьму. — Он облизнул губы и прижал пачку к животу.

— Возьми, — кивнул и указал на сейф.

Он развернулся, пошёл к сейфу. Открыл его ключом, который носил на шее. Положил деньги внутрь. Закрыл сейф. Щёлкнул замком.

Обернулся. Лицо его стало каменным.

— Что теперь? — он обвёл нас взглядом и отступил от сейфа. — Свидетели есть. Кража доказана. Тебя посадят? Меня посадят?

— Никого не посадят, — встал и застегнул куртку. — Но и работать вместе мы больше не сможем. Так, как раньше.

— Уволишь? — он поднял глаза и оттянул ворот телогрейки.

— Хуже, — покачал головой и шагнул к сейфу. — Я дам тебе жизнь. Но заберу твоё место.

Славка непонимающе моргнул.

— Слушай сюда, — шагнул к нему вплотную и опёрся о сейф. От телогрейки несло потом, дешёвым табаком и лекарствами. — Ты украл у своих. Бригада отработала, а деньги пришлось искать по углам. Завтра люди за расчётом придут. Что им говорить?

— Я исправлю, — прошептал он, опуская глаза. — Я верну всё. И ещё сверху.

— Этот долг вернёшь, — отрезал и указал на замок. — А к общей кассе больше доступа не получишь. Ключ оставь.

— Завтра утром Славка оформляется на оклад, — повернулся к Палычу и раскрыл журнал смен. — Грузчиком. Или водителем по хозяйству. Расчёты и накладные поручишь другому.

Славка побледнел ещё сильнее. — Грузчиком? Я... специалист, десять лет кассиром! — Он прижал руку к груди и попятился от сейфа.

— Был, — подтвердил и перевернул журнал на следующую смену. — Теперь пойдёшь на разгрузку. Оклад небольшой, на лекарства и еду хватит. А игру и долги придётся бросить.

— Это позор, — Славка опустил плечи и повернулся к двери. — Перед бригадой. Перед людьми.

— Позориться ты ночью начал, когда сюда полез, — убрал руку с сейфа и отступил, давая ему пройти. — Завтра будешь мешки таскать вместе с остальными. Перед ними и отвечай, почему кассу сдал.

Щербаков фыркнул. — В казачьих станицах за такое плетью секли. До костей. — Он покачал головой и вытащил руки из карманов.

— А нам утром людям платить, — забрал журнал и повернулся к Славке. — Вот этим займёмся. С вас с Палычем передача ключей и пересчёт.

Славка уставился на меня так, что Щербаков опять переступил поближе. Затем кассир опустил голову, стянул с шеи ключ и протянул Палычу. Верёвочка зацепилась за ворот; он рванул её, облизнул пересохшие губы.

— Хорошо, — сказал он тихо и опустил глаза. — Я пойду домой.

— Иди, — кивнул и отошёл от сейфа, освобождая проход. — Завтра в восемь на базу. С метлой и лопатой.

Славка развернулся. Пошёл к двери. Палыч проводил его взглядом, потом посмотрел на меня. — Ты жесток, Даня, — Палыч отвёл взгляд от двери и подошёл к столу.

— А ты хотел его побить? — ответил и сел на стул. — Уволим — на что мать кормить будет? Пусть работает. Только кассу ему больше не поручай.

Дверь за Славкой закрылась, а я всё глядел на накладные. За него мои пять тысяч легли. Если завтра ещё один такой специалист полезет в сейф, тоже из своего кармана класть? Потёр шею и подвинул журнал к Палычу.

— Нам нужно усилить контроль, — Щербаков подошёл и раскрыл папку с накладными. — Проверять каждого. Всю первичку.

— Так мы только проверками и займёмся, — Палыч покачал головой и забрал у Щербакова накладные. — Люди уйдут. Попробуй всю смену поработать, когда тебе в затылок дышат.

— Тогда что? — придвинул журнал к себе и раскрыл на кассовой смене.

— Доверие, — Палыч постучал себя по груди и указал на кассу. — Но с глазами. Мы должны создать систему, где украсть невозможно технически. Автоматизация. Разделение функций. Чтобы один не мог взять и положить.

Кивнул и записал на полях: «Касса отдельно от приёмки». Вот с этого утром и начнём.

— Зоя Ермолаевна сегодня придёт на сверку? — спросил я и посмотрел на часы.

— Да. Она сказала, будет к восьми. — Щербаков посмотрел на часы и повернул циферблат ко мне.

— Тогда успеем свериться до её прихода. — Придвинул накладные к лампе и раскрыл первую.

Провёл пальцем от суммы к подписи. После Славки хотелось пересчитать всё до последней копейки.

Телефон на стене зазвонил так резко, что мы с Палычем обернулись разом.

— Алло, — ответил я, сняв трубку со стенного аппарата.

— Даня? — Люська выдохнула в трубку и заговорила шёпотом. — Холодно очень. Гости в белых халатах топчутся у склада. Дров мало. Надо много. Очень много.

Сжал трубку. Ещё и санпроверка! Фотиев решил зайти со всех сторон: ОБХСС забирает бумаги, эти опечатают склад. Картошка останется гнить здесь, пока мы будем доказывать, что хранили её по правилам.

«Дров мало». Значит, складских документов им для защиты мало. Нужен человек, который проверит хранение раньше фондовских гостей и подпишет акт.

— Понял, — сказал и посмотрел на Палыча. — Дрова привезём. Машина готова.

— Ждите гостей. Они окна считают, с разных сторон обходят. — Она заговорила быстрее и оборвала фразу на полуслове.

Связь оборвалась.

Положил трубку на рычаг и развернулся к Палычу. Щербаков уже застёгивал куртку: по моему лицу понял, что поспать ему сегодня опять дадут позже. — Склад под прицелом. Санэпид. Или что-то похожее. — Отнял руку от трубки и провёл ребром ладони по горлу.

— Откуда? — Щербаков подался вперед и заглянул мне в лицо.

— Из города. Люська боится говорить открыто, — отодвинул аппарат и освободил место Палычу. — Фотиев готовит основания для закрытия склада. Нужно узнать, кто придёт с актом.

— Мы можем что-то сделать? — Палыч поднялся и перенёс вес на здоровую ногу.

— Можем опередить их, — раскрыл блокнот и указал Палычу номер. — Пусть Прохор Ильич осмотрит склад, пока проверяющие только собираются. Если есть нарушения, исправим сейчас. Если порядок — нужен акт с датой и подписью.

Поднялся слишком резко и переждал, держась за край стола. После кассовой ночи ноги подламывались; холодная вода из рукомойника прогнала сон, зато рукав, которым пришлось вытереться, теперь лип к щеке.

— Палыч, попробуй связаться с Прохором Ильичом через Светлану Фомичну. Щербаков, готовь машину, — достал ключи и передал водителю. — Пока они выясняют со складом, заберём грузовики. Пешком против опечатанных ворот воевать неудобно.

Щербаков первым вышел во двор. На ступеньках прихватило лужу; придержал дверь, пока Палыч спускался боком, берёг ногу. У «Волги» забрал у Гены ключи: до армейской базы поведу сам, ему ещё за второй ЗИЛ садиться.

В конторке остался звонить Палыч. Через несколько минут он вышел, постучал в стекло и развёл руками: до санврача пока не дозвонились. Договорились повторить с базы, откуда нас уже ждал вызов Костина.

Палыч устроился рядом, Щербаков закрыл заднюю дверцу. Проверил в зеркале проход между ящиками и завёл мотор. — Поехали, — хлопнул дверью и включил передачу.

За воротами пришлось объехать мусоровоз. Пока плелись за ним, Щербаков сверял поворот по записанному адресу, а Палыч притёр ладонью запотевший угол стекла: увидел знакомую развилку и показал направо.

Путь к штабу сверяли по записке Костина. На повороте к базе пришлось остановиться перед закрытыми воротами; Щербаков подsunул бумаги под ящик, освобождая заднее сиденье под разгрузку.

Калитка базы тыла МВО скрипнула так, что свело зубы. Часовой вышел к машине; заглушил «Волгу» и приготовил паспорт. В багажнике и на заднем сиденье лежали четыре ящика с японскими видеоманитофонами Panasonic NV-3D, отложенные из обратного груза Лабазова. Палыч вытянул левую ногу под панель, Щербаков теснился сзади: ему предстояло перегнать второй грузовик. Костин через знакомого Синицына добился встречи с начальником тыла, полковником Деревягиным. Майор только договорился о приёме. Машины решал отдавать полковник, и четыре ящика пока оставались нашими.

Проходная была бетонным кубом, серым и тоскливым, как сама армия в мирное время. За стеклом сидел часовой с автоматом АК-74, прижатым к груди. Он смотрел на нас с тем презрением, которое солдаты питают к гражданским, особенно к тем, кто ездит на легковых машинах через служебный въезд. Он поправил ремень и наклонился к окошку.

— Куда прёшь, здесь служебный въезд! — часовой поднял ладонь перед капотом и шагнул к моему окну.

— К майору Костину едем, нас к Деревягину вызывали, — опустил стекло и подал паспорт. — Позвони по внутреннему, фамилия Грачёв.

Часовой сверил фамилию, заглянул на заднее сиденье. Щербаков придерживал коленом ящик, Палыч терпеливо ждал. После бессонной ночи уговаривать караул совсем не хотелось; смотрел на свой паспорт у него в руке и ждал звонка.

— Жди, — буркнул он, набирая номер, и отвернулся к аппарату.

Палыч закурил в открытое окно. Дым потянуло обратно в салон, пришлось отодвинуться к двери. На базе нам обещали два ЗИЛа: за них и ждали, хотя хотелось уже развернуться к городу и самим проверить склад.

Часовой приоткрыл окошко и поманил меня к телефону. Выбрался из машины, принял протянутую трубку. Костин уже был у Деревягина; значит, через караул мы всё-таки прошли.

— Данила Павлович, подъезжай к штабу тыла, — Костин перевёл дыхание у трубки и приглушил голос. — Полковник Деревягин тебя ждёт. И привози своё барахло. Если это хлам, я тебя лично выкину за ворота.

— Принесу, Игорь Фомич, — оглянулся на ящики за спинкой сиденья и подвинул ближайший от дверцы. — И принесу не хлам.

За проходной гравий застучал по днищу. Кирпичные ангары тянулись вдоль дороги, между ними сушились свежевывмытые машины. У двухэтажного штаба с флагом Костин уже ждал на крыльце; поднялся ему навстречу с паспортом в руке. Майор поправил ремень и оглянулся на верхнее окно, будто проверял, видит ли нас Деревягин.

— Быстро, — он открыл дверь штаба и придержал её локтем. — Деревягин не любит ждать.

Кабинет полковника был завален бумагами. На столе лежала схема распределения ГСМ, стопка папок с грифом «ДСП» и пустая кружка. Сам Деревягин, плотный мужчина с седеющими висками и лицом человека, который всю жизнь подписывает отказные письма, смотрел на нас поверх очков. Костин вошел следом, занял угол кабинета, скрестив руки на груди.

— Майор говорит, у вас предложение по технике для части, — Деревягин постучал карандашом по столу и сдвинул схему ГСМ, освобождая перед собой место.

Молча кивнул Палычу. Тот вышел, вернулся через минуту с одним ящиком. Открыл его. Внутри, в мягкой поролоновой оплетке, лежал блестящий, черный, современный Panasonic. Рядом — пульт, инструкция на русском языке, переведенная местными умельцами, и блок питания.

Деревягин снял очки. Подошел ближе. Потрогал пластик пальцем.

— Японцы? — Деревягин приподнял крышку ящика и провёл пальцем по маркировке.

— Японцы, — встал рядом и откинул край поролона. — Четыре штуки. Высокое качество записи. Цветная картинка. Можно подключать к телевизору прямо в клубе или в столовой. Для агитационной работы.

Полковник хмыкнул. Это был звук скептика.

— Нам техника нужна. Грузовики, тракторы, генераторы. А это барахло! Командование области требует обновления автопарка. Старые ЗИЛы гниют. А вы приносите мне видеоманитофон. Вы смеетесь надо мной, Грачёв? — Он надел очки и посмотрел на меня в упор.

Костин усмехнулся у стены, когда полковник снова назвал товар барахлом. Хотелось напомнить майору, как он просил достать японскую технику, но при Деревягине лучше было показать её в работе.

Подвинул коробку поближе к телевизору и позвал Палыча.

— Геннадий Аркадьевич, включи. — Кивнул на телевизор и отступил от ящика.

Щербаков принёс из «Волги» тройник и кабели, которые мы подготовили для показа. Палыч подвинул ящик к старому «Горизонту», соединил аппарат с телевизором и вставил кассету. Полковник следил за его руками, пока на экране пробивалась картинка.

После цветных полос на экране появились танкисты: натягивали шлемофоны, занимали места у машин. За ними инструктор показывал приём рукопашного боя. Копию учебного фильма мы раздобыли заранее; на этом телевизоре можно было различить, куда инструктор ставит ногу, а команды звучали разборчиво даже у двери.

Деревягин опёрся на спинку стула и наклонился к экрану. На рукопашной пробормотал команду раньше инструктора. Вот теперь можно было говорить о киноклассе: полковник уже сам показывал солдату, куда бить.

— Откуда такая запись? — Деревягин спросил тише и придвинул стул к экрану.

— Аппараты японские, из Москвы. Фильм наш, учебный, — повернул коробку с кассетой к Деревягину и показал наклейку. — С хорошей копии переписали. В клубе так же пойдёт.

Полковник подошёл к телевизору и прибавил звук. Потом посмотрел на розетку, на кассету, снова на экран. Досмотрел приём до конца, хотя карандаш остался у него зажатым между пальцами. Такую паузу стоило вытерпеть; Палыч убрал руки от аппарата.

— А марка у него какая? — Деревягин поднял инструкцию и повернул её к свету.

— Panasonic NV-3D. Стандарт PAL. — Постучал по крышке магнитофона и развернул инструкцию названием к нему.

— Хорошо, — полковник сел обратно и отодвинул инструкцию. — Но этого мало. Я не могу просто взять и отдать вам два исправных ЗИЛа за четыре игрушки. Даже хороших. У меня план по выработке фондов. Мне нужны деньги, а не железо. Или услуги, которые стоят денег.

Деревягин переложил список машин поверх инструкции и задержал на нём карандаш. Четырьмя аппаратами разговор открыл, теперь нужно было свести стоимость и передачу имущества в оформленный расчёт.

Костин выступил вперед.

— Сергей Аркадьевич, речь о взаимозачёте, — Костин подошёл к столу и раскрыл свою папку. — Машины передадите по акту после списания. Видеотехника для клуба идёт в расчёт. Стоимость обеих сторон будет в накладных, чтобы каждый знал, что передал и что получил.

Деревягин задержал карандаш поперёк списка.

— Взаимозачёт — это пока слово. Кто у меня подпишет приёмку видеотехники и списание машин, клуб или штаб? Бумага должна быть чистой, майор. — Он постучал пальцем по папке и сдвинул её к Костину.

Глава 2

Понял, куда клонят. Полковнику мало было сказать «зачтём». Клубу нужны магнитофоны, автохозяйству — акты на машины, бухгалтерии — стоимость с обеих сторон. Иначе один получит технику, а другой будет отвечать за недостачу. — Давайте сделаем иначе, — шагнул к столу и развернул доверенность. — Эти магнитофоны идут в фонд культуры части. Под статью «Оснащение кинокласса воспитательной работы». Я предоставляю документы: накладные, акты ввода в эксплуатацию, фотографии установки. Вы выпишете приказ о списании двух старых ЗИЛов как непригодных к дальнейшей эксплуатации в строю, но пригодных для хозяйственных нужд. И продадите их кооперативу «ГРАЧ» как выведенную из строевого состава технику с правом восстановления. Стоимость установит комиссия. Четыре магнитофона засчитаем в расчёт по накладной; если останется разница, запишем её отдельно. ГСМ и запчасти впишем только по вашей заявке, не вместо денег задним числом.

Пока Деревягин вертел карандаш, проверил по папке, что обещаю. Клуб принимал видео-технику, часть продавала выбывшие из строевого состава машины. Стоимость с обеих сторон должна была попасть в сверку, иначе четыре аппарата уедут в клуб, а с нас потом потребуют ещё и полную оплату ЗИЛов.

Деревягин задумался. Он достал сигарету, прикурил.

— Кинокласс... Обычно холодильники в столовую просят, — Деревягин выпустил дым в сторону окна и придвинул к себе инструкцию.

— Холодильники есть у всех, — Палыч пожал плечами и указал на экран. — А вот нормального кино нет. Ни одного нового фильма за год не показали. Ленты рвутся, проектор светит тускло. А тут — цвет, четкость, звук. Солдат увидит современные технологии и поймет, что армия не отстает от мира.

Деревягин задержал ладонь на инструкции. Палыч выключил показ, и полковник тут же повернулся к потухшему экрану. Пожалуй, кино ему уже жалко было отдавать.

— Ладно, — полковник наклонился вперёд и придвинул к себе папку. — Но есть проблема. Документы на перегон. Они должны быть готовы завтра утром. А сегодня приказа на списание ещё нет. Я не могу подписать акт задним числом без основания. Основание должно быть в системе.

При слове «завтра» Щербаков посмотрел на меня: успеем ли забрать машины до выезда. От мысли о задержке ещё на сутки скрипнул зубами. Придвинул документы к полковнику, чтобы уточнить основание для комиссии.

— Предварительная разнарядка на списание у вас есть? — нашёл последнюю страницу и развернул её к Деревягину.

Деревягин покачал головой.

— Есть предварительный список, командир дивизии ещё не утвердил, — полковник вытащил лист из папки и прикрыл ладонью подписи внизу.

— Тогда утвердите его сейчас, — развернул предварительный список и подвёл палец к нижней строке. — И добавьте туда пункт: «Передача техники в кинокласс по договору шефской помощи от кооператива "ГРАЧ"». Акт списания машин тоже составьте сейчас. Я подпишу акт приема-передачи магнитофонов. Вы подпишете разрешение на вывоз техники со склада. Сначала пусть комиссия осмотрит обе машины и утвердит списание. Потом я подпишу передачу магнитофонов, вы — вывоз грузовиков. Сегодня или завтра утром, но без вашего акта я за ворота не поеду.

Костин перестал курить и посмотрел на дверь. Подтянул лист обратно к полковнику: печатать можно хоть сейчас, но комиссии всё равно придётся смотреть машины. За чужую исправную технику под видом лома нас с майором возьмут вместе.

— Что предлагаете кроме магнитофонов? — полковник стряхнул пепел и снова взял карандаш.

Костин ждал у стола, когда назову встречное предложение. Открыл блокнот: если полковнику нужны услуги по снабжению, работать придётся с его механиком, зато можно будет опереться на нашу московскую базу.

— Услуги консультационного характера, — сказал и чуть наклонил голову. — По вопросам снабжения.

Деревягин хмыкнул.

— Консультации? Это слово ничего не значит. — Он откинулся на спинку и затянулся сигаретой.

— Тогда сначала осмотрим автопарк с вашим механиком, — открыл блокнот и надписал страницу. — Где ремонтировать, что искать на замену, по каким ценам. Если рекомендации вас устроят, внесём услуги в акт взаимозачёта. Подпись поставлю за выполненную работу.

Костин шагнул вперед.

— Сергей Аркадьевич, — Костин подался к Деревягину и отодвинул локтем крайнюю стопку. — Ручаюсь за репутацию Грачёва. Он не подведет. И его люди работают честно.

Костин оставил ладонь на столе возле моего блокнота. Раньше он отделялся знакомством и уходил, а сейчас ждал решения рядом с нами. Полковник перелистнул предварительный список к двум нужным машинам и придержал их описания карандашом.

Полковник сверил фамилию в моей доверенности и записал её на свободном поле. Палыч потушил сигарету и отступил от окна, готовясь идти к грузовикам.

— Хорошо, — полковник хлопнул ладонью по столу и подвинул Костину чистый лист. — Готовьте проект приказа. Секретарша наберет за двадцать минут. Акты приема-передачи тоже. Машины стоят в третьем ангаре, справа от въезда. Серые, бортовые. Пробег пятьдесят тысяч. Техническое состояние удовлетворительное. Документы на право собственности будут готовы к восемнадцати ноль-ноль.

— Но учтите, Грачёв. Если хоть одна деталь будет не на месте, я лично отправлю ваши магнитофоны в металлолом, а вас — в КПЗ к майору. — Он поднялся из-за стола и указал на меня ручкой.

— Понял, товарищ полковник, — кивнул и прижал папку к груди.

Мы вышли. В коридоре было пусто. Костин шел рядом, тяжело дыша.

— Ты меня втягиваешь, Даня, — он сказал тихо и оглянулся на дверь кабинета. — Каждый раз втягиваешь.

— Я тоже в это влез, Игорь Фомич, — остановился у окна и развернул к нему блокнот. — Видишь, за что подпись ставлю.

— Ты ведь можешь исчезнуть, а отвечать останусь я. Или ты меня и посадишь? — Он прищурился и загородил мне проход.

Прислонился к откосу и убрал блокнот под мышку. Костин оставил мне узкий проход к лестнице, но пока требовал ответа.

— Консультации оформим по бумаге, вместе и отвечать будем, — раскрыл блокнот на наброске и подвёл палец к строке для Костина. — А мне нужен твой звонок раз в месяц: куда обращаться по снабжению, кого искать. Мимо трубки проходить теперь поздно.

Костин усмехнулся. Горько, но с уважением.

— Хитрый ты, сукин сын. Ладно. Пиши формулировку. Я дам секретарю. — Он сплюнул в сторону урны и отступил, пропуская меня.

Записал формулировку для секретаря на отдельном листе. Костин прочёл её у окна, зачеркнул одно слово и вписал свою должность. Забрал лист с собой; об отказе разговаривать он теперь подумает хотя бы перед тем, как положить трубку.

Мы вернулись к «Волге». Палыч и Щербаков выгрузили оставшиеся три ящика; первый уже стоял в кабинете. Все четыре магнитофона передавались клубу по акту. Деревягин дал команду на оформление, мы остались ждать своей папки.

До обеда провели с механиком части в ангарах. Палыч проверял люфты и тормоза двух выделенных ЗИЛов, Щербаков подлез под второй и вышел с чёрной от масла щекой. Записывал дефекты с их слов и просил механика подтвердить каждый пункт. После осмотра сел в «Волгу» и дополнил рекомендации: какие детали можно купить через нашу московскую базу, какие машины искать на замену и что запросить у поставщика до расчёта. Костин унёс записку полковнику, а мы остались ждать комиссии.

К вечеру комиссия осмотрела оба грузовика и подписала акты. На сверке ещё раз пересчитали четыре магнитофона, оценку машин и зачтённые услуги; итог сошёлся. Получил пропуск на вывоз, накладные на два ЗИЛа и свой экземпляр акта. Печати проверял, поднося листы к окну, пока Щербаков торопил сзади.

Мы пошли в третий ангар. Там, в тени, стояли два ЗИЛа. Бортовые, с высокими бортами, с прочными кузовами. Серые, пыльные, но живые. Двигатели были холодными, но масла в них достаточно. Я обошел вокруг первого, потрогал шины. Резина новая. Каркас усиленный. Это были машины, на которых можно было возить тонны.

Палыч забрался на подножку, провёл ладонью по рулю и проверил ход педали. Придержал ему дверь, пока он заглядывал под панель.

— Хорошая техника, — он провёл рукой по рулю и похлопал по дверце. — Крепкая. Как конь тяжеловоз.

— Заводи, — кивнул и отступил.

Палыч сел в кабину. Повернул ключ. Двигатель закашлял, потом схватил, выпустив облако синего дыма. Рык дизеля заполнил ангар. Палыч выжал газ, послушал работу мотора.

— Ну, родной, разомнись, — Палыч убавил газ и подержал ладонь на руле, прислушиваясь к мотору.

Выехали на территорию. Костин ждал у штаба. У него была вторая папка с документами на второй ЗИЛ.

— Перегон разрешен по маршруту база — городская автостоянка №4, — он вручил мне папку и постучал пальцем по маршруту. — Посты предупреждены. Но недолго. Через два дня информация может уйти дальше. Торопитесь.

Мы убрали инструменты и пустую упаковку в багажник «Волги». Ехать предстояло далеко. Но сначала нужно было решить вопрос с базой.

У караулки часовой вытянулся, пропуская первую машину. Палыч высунул голову из окна ЗИЛа, за ним подкатил Щербаков на втором.

— Служил здесь? — спросил часовой, не зная, к кому обращается, и моргнул.

— Да, — Палыч кивнул и коснулся фуражки. — Тридцать лет назад.

Часовой удивился. Армейская память коротка, но уважение к ветеранам — вещь вечная. Он опустил автомат.

Палыч повёл первый ЗИЛ к воротам, Щербаков держался за ним. Выехал следом на «Волге» и проверил в зеркале, что Костин спустился с крыльца: майор обещал проводить до караула.

Перед воротами пришлось затормозить. К часовому подошли двое в штатском: худой в пальто держал удостоверение, полный прижимал портфель. Майору махнул через открытое окно.

Костин догнал «Волгу» и придержался за открытую дверцу, переводя дыхание. Высокий уже тянул ему навстречу удостоверение.

— По какому поводу остановили? — Костин развернулся к высокому и вытащил своё удостоверение.

Высокий мужчина предъявил удостоверение. Милиция. Областная.

— Проверка транспорта по приказу начальника управления, — высокий раскрыл удостоверение перед Костиным и указал на грузовики. — Осматриваем машины, выезжающие с военных объектов.

Высокий прошёл к первому ЗИЛу и встал перед бампером. Убрал пропуск в папку, вышел из «Волги». Если сейчас потащат документы повторно согласовывать, простоим здесь до смены караула.

— Товарищи, это перегон по служебному заданию, — раскрыл документы и протянул их проверяющему. — Машины списаны, оформлены как хозяйственный инвентарь. Вот акты, вот разрешения.

Высокий взял папку, полистал. Его взгляд скользил по строчкам. Он искал ошибку. Любую. Опечатку, неверную дату, отсутствующую печать.

Придерживал верхние листы, пока он сличал даты и номера шасси, вписанные механиком при нас. Зоинным образом проверил оформление ещё у штаба. Высокий вернулся к первой странице, и пришлось придержать её от ветра.

— Печать штаба тыла... Дата сегодняшняя, — высокий задержал палец на числе и повернул лист к Костину. — Обычно такое заранее готовят.

— Срочный перегон, бумаги оформляли при мне, — Костин встал рядом и передал своё удостоверение. — Майор Костин, районное отделение. Списанные машины приняла комиссия, разрешение на вывоз в папке.

Костин назвал отделение и дал номер дежурного. Высокий задержался на фамилии в удостоверении, кивнул: узнал. Полный возле портфеля уже расстегнул пальто, собираясь лезть в кузов.

Полный расстегнул портфель, убрал туда шляпу и передал напарнику, чтобы освободить руки для осмотра.

— Ладно. Осмотрим поверхностно. Кузова. Кабины. — Он вернул папку и пошёл к первому кузову.

Полный ухватился за борт первого ЗИЛа, высокий помог ему подняться. Палыч опустил стекло, чтобы слышать, о чём говорят снаружи, и остался за рулём.

Под ногами проверяющих скрипели доски. Один приподнял свёрток с инструментами, показал напарнику и положил обратно. Палыч придерживал дверцу кабины, пока тот спускался с борта.

— Проезжайте. — Он спрыгнул на землю и махнул рукой.

Мы выехали за ворота. Дорога была пустой. Серое небо нависло низко, угрожая дождем. Колонна из трех машин («Волга» и два ЗИЛа) растянулась по шоссе.

На первой остановке у автобусной остановки Палыч вышел из кабины. — Даня, — он постучал в стекло «Волги» и наклонился к окну. — Тут дело есть.

— Слушаю. — Опустил окно и повернулся к нему.

— Меня записали. В книгу ветеранов базы. Пока я там был, пока ждали документов. Деревягин лично расписался. «Геннадий Аркадьевич, участник боевых действий, ветеран службы». — Палыч снял фуражку и провёл ладонью по козырьку.

Отпустил руль и протянул руку к фуражке. Палыч показал запись на вложенном листке: его внесли в книгу ветеранов и велели звонить перед приездом. Теперь на базе у нас знали хотя бы одного человека, которого встречали по имени.

— Хоть встречать будут по имени, — вернул запись Палычу и придержал край, чтобы её не унесло ветром.

— Это опасно, — Палыч разгладил запись на коленях и покачал головой. — Теперь, если что случится на базе, первым придут за мной. И за тобой. Мы связаны.

Палыч сложил листок и сунул за ленту фуражки. Если возникнет вопрос о переданных машинах, его найдут быстрее нас. Он поправил козырёк; радовался этой записи, хоть и ворчал.

— Доедем и разберёмся, — вытер ладонь о колено и убрал руки с руля. — В дороге документы при себе держи.

Палыч кивнул, сел в ЗИЛ. Мы двинулись дальше.

К вечеру добрались до московской окраины, к нашей временной стоянке. Палыч и Щербаков загнали ЗИЛы за ворота бокса, где уже ждали наш первый грузовик и ГАЗ-53. Сосчитали водителей на обратную дорогу: Палыч, Щербаков, Кузя и я. УАЗ оставляли при московской конторе. «Волгу» предстояло пригнать отдельно: четверо наших водителей понадобились на грузовиках.

Майор задержался в Москве по своим делам и вечером нашёл нас в квартире при конторе. Палыч как раз снял чайник; поставил для гостя третий стакан и убрал со стула свою куртку.

Он зашел в квартиру, которую мы снимали. Снял фуражку. Выглядел измотанным.

— Дело сделано, — он сел и положил фуражку на колени. — Машины твои.

— Спасибо, Игорь Фомич. — Налил ему чай и поставил кружку.

— Не благодари. Ты меня спас сегодня. Если бы не магнитофоны, Деревягин бы не дал добро. А если бы не дал добро, ты бы остался без транспорта. А без транспорта ты бы не успел закрыть базу покупок. А не закрыв её, ты бы стал жертвой облавы. Так что мы квиты. — Он обхватил кружку ладонями и поднёс к губам.

Он замолчал. Потом добавил:

— Но есть новость. Плохая. — Он отставил кружку и поднял глаза.

— Слушаю. — Придвинул стул и сел напротив.

— Тебя в городе ждут не Фотиевым единым. Санэпидемстанция. У твоего склада топчется наряд. Я видел сегодня. Инспекторы в белых халатах. Осматривают вентиляцию, воду, условия хранения. — Костин понизил голос и наклонился.

Отставил стакан на стол. Костин подтвердил предупреждение Люськи о «гостях в белых халатах»; пальцы ещё держали ручку стакана, когда уже открыл блокнот на номере санврача.

— Зачем им это? — спросил я и отодвинул свою кружку.

— Формально — проверка соблюдения норм торговли пищевыми продуктами. Неофициально... — Костин понизил голос и оглянулся на дверь. — Чтобы закрыть склад. Найти повод для санитарного предписания. Остановить деятельность. Пока идёт проверка, товара не вывезти. А товар там лежит. Дефицит. Много.

Рассказ Костина совпадал со звонком Люськи и сведениями Прибора. Поставил кружку обратно на блюдце: пора готовить склад к осмотру, слух подтвердился.

— Как быстро они готовят предписание? — отодвинул стакан и нашёл в блокноте номер склада.

— День-два. Они не могут держать проверку дольше. Но этого хватит, чтобы испортить репутацию. Или изъять товар как «не соответствующий нормам». — Костин развёл руками и снова потянулся к чаю.

Нашёл в блокноте номер Светланы Фомичны и отметил его на полях. Костин допивал чай, готовясь уходить; пока он здесь, стоило попросить имя проверяющего. — Игорь Фомич, — остановился у окна и повернулся к нему. — Можешь узнать имя главного инспектора?

— Могу. Но осторожно. — Он приподнял бровь и отставил кружку.

— Сделаешь? — Отошёл от окна и задержал Костина за рукав.

— Сделаю, только лишних звонков не жди, — Костин поднялся и отнёс кружку на край стола. — Узнаю имя, передам через своих.

— Завтра попробую узнать фамилию инспектора, — Костин надел фуражку и застегнул шинель. — А ты документы на ЗИЛы держи при себе. Их уже увидели, будут спрашивать.

Костин ушел. В квартире стало тихо. Палыч сидел на кухне, пил чай.

— Склад всё-таки собираются закрыть, — сел к Палычу и отодвинул на столе чайник. — Костин подтвердил Люськино предупреждение.

— Знаю, — Палыч допил чай и поставил кружку. — Люська звонила. Говорит, там полно машин с эмблемой. Белые халаты.

— Что со складом успеем до их предписания? — освободил место возле чайника и развернул складские бумаги.

— Возвращаться надо, — Палыч кивнул и подвинул ко мне папку. — С машинами. С товаром. И с бумагой. Санитарной бумагой.

Разложил на столе бумаги «Москва-база»: разрешения на грузовики проверены, накладные на товар готовы. На отдельном листе осталась Зоина надпись «Фонд — с большой буквы». Убрал её в конец папки и записал сверху номер Светланы Фомичны: утром снова пробовать санврача.

Завтра предстояло забрать для отца ключи от гаража. После — погрузка и дорога домой. Два ЗИЛа за воротами уже наши; даже сквозь закрытое окно слышалось, как остывают их моторы.

— Пойду спать. Завтра в шесть утра старт. Нужно проверить тормоза. — Он поднялся и вытер руки о полотенце.

— Проверь, — кивнул и потянулся к блокноту.

Палыч ушёл спать. Перечеркнул в блокноте законченное дело с машинами и оставил открытой следующую строку: «Прохор Ильич. Санврач. Утро». Карандаш прокатился к локтю; поймал его, прежде чем он упал и разбудил остальных.

Утром Палыч проверил тормоза обоих ЗИЛов, а я сверил гаражные документы. С Прохором Ильичом так и не удалось поговорить, Светлана Фомична обещала его разыскать. Выезд пришлось отложить: после трёх лет очереди возвращаться домой без отцовских ключей было бы паршиво. К Гаврилову в кооператив «Заря» на московской окраине попали только к вечеру. Аня привезла отца днём: пусть сам осмотрит бокс, за который будет отвечать, пока наши машины стоят в Москве. Они ждали в общежитии, а в кабинете председателя Гаврилова подоймной поскрипывал стул. Передвинул папку Зои Ермолаевны к краю стола. В ней лежали документы по отцовской очереди за три года и предложение, с которым председателю будет очень трудно меня выставить.

Гаврилов крутил карандаш за обгрызенный ластик. За спиной председателя висела карта района: свободные участки обвели красным, занятые синим. Свой бокс сразу нашёл по номеру, но председатель всё смотрел на телефон вместо заявления. — Понимаешь, Данила Павлович, — он постучал карандашом по столу и развёл руками. Говорил голосом человека, который привык произносить слово «нет» так часто, что оно потеряло остроту. — Очередь есть очередь. Устав не писан для друзей. Если я сейчас тебе бокс дам, завтра у меня правление на голову встанет. А у нас тут, между прочим, люди ждут. Свой круг. Люди уважаемые.

Гаврилов дважды покосился на телефон. Список Фотиева лежал у него рядом, под стеклом, с отметками возле фамилий. Мой оплаченный пай в нём пока никак не отмечался.

— Уважаемых людей много, Иван Степаныч, — придержал обложку и развернул платёжку к Гаврилову. — Но только у одного человека в этой комнате есть деньги, чтобы закрыть вопрос за вечер. И эти деньги не в конверте под столом. Они в уставе.

Гаврилов фыркнул. — Ты мне про устав не рассказывай. Я этот устав наизусть знаю. Там пункт пять: внеочередное предоставление мест при предоплате пая... но это только при наличии технической возможности и согласовании с профсоюзным комитетом. А у нас профком против. Им нужен порядок. — Он отложил карандаш и постучал пальцем по столу.

Под словом «порядок» Гаврилов прятал бокс, обещанный по списку. Хотелось ткнуть в отмеченное на карте место, но сначала вытащил платёжку. Деньги уже приняли, и отказать теперь придётся письменно.

Открыл папку, придерживая большим пальцем платёжку, чтобы Гаврилов заметил банковскую отметку раньше, чем снова заговорит об очереди. — Профком против, потому что им не объяснили разницу между благотворительностью и бизнесом, — произнес ровно и придвинул лист к нему. — Посмотри на первый лист. Это платежное поручение. Полная сумма пая за бокс номер четырнадцать. С ямой. Предоплата за три года вперед. По статье «целевое финансирование развития инфраструктуры».

Гаврилов потянулся к бумаге и надел очки. Лицо его медленно менялось. Сначала недоумение, потом сомнение, и наконец — расчетливый блеск. — Три года вперед... Сумма-то крупная. Откуда такая щедрость? — Он сдвинул очки на кончик носа и облизнул губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.